

УДК 130.2

ФИЛИПП де ЛАРА,

профессор Университета Париж II (Университета Пантеон-Ассас), Франция, Париж

Philippe de Lara,

Professor at the University of Paris II (University of Pantheon-Assassos), France, Paris

Дезинформация и пропаганда в эпоху постправды

Позволю себе начать с персональных воспоминаний. Для меня большая честь быть в этих стенах. Мое знакомство с Украиной началось в январе 2013 года на конференции, организованной по поводу приезда Венсана Декомба. Я мало знал тогда об Украине, и это был шанс ее посетить. С того времени тематика моих исследований последних пяти лет фокусируется вокруг конца эпохи коммунизма, выхода из коммунизма. Между прочим, Украина как лаборатория такого выхода — это то, на что меня вдохновил, в частности, Мирослав Попович, и конференция, которую я упомянул, повлияла на дальнейший ход моих размышлений и поисков. Одна его черта особенно произвела на меня впечатление. Он поразил меня как выдающийся мемуарист и историк. Меня затронули две темы, которые он по-особому раскрыл для меня. Это интеллектуальная жизнь в советские времена и опыт Второй мировой войны. То есть для меня он еще в определенной мере историк, который многому меня научил, и я ему очень благодарен.

Тема моего нынешнего доклада — “Дезинформация и пропаганда в эпоху постправды”. Я хочу выделить несколько черт ситуации постправды и теоретически посмотреть, каким образом она воплощается в Украине и в целом в Европе в контексте российской пропаганды и информационной войны.

Понятие “постправда” является, пожалуй, нечетким и сугубо субъективным. В той же мере, что и его старший брат — “постмодернизм”. Хотя, конечно, о постмодернизме гораздо больше написано, он намного глубже осмыслен — и философски, и эстетически. (Есть, конечно, такие серьезные тексты, как классическая “Ситуация постмодерна” Ж.-Ф.Лиотара — текст, которому уже свыше 40 лет.) Мне представляется, что все эти понятия с префиксом “пост-” в значительно большей степени описывают, передают определенные симптомы, нежели обозначают какие-либо феномены. Это структурно неопределенные концепты. Они как бы передают некий переход, переход к определенному состоянию реальности, который еще не зафиксирован, и указывают на внутреннее состояние этого перехода. Возможно, постмодерн — это не что иное, как “уставшая модерность”. И тогда постправда — это отношение современников к модерну и к правде.

Термин “постправда” уже можно встретить в ряде словарей, в частности в Оксфордском словаре 2016 года. Там говорится, что постправда — это то, что ссылается на ситуацию, при которой объективные обстоятельства меньше влияют на моделирование публичного мнения, чем апелляция к эмоциям или к личным мнениям. Это очень широкое определение, которое можно попытаться сузить в нескольких направлениях. Постправда в то же время означает банализацию релятивизма, или точнее, его радикализацию. То есть речь идет о том, чтобы считать правдивым то, что мы ощущаем, не делать различия между правдой как таковой и нашим ощущением правды. На английском языке *feeling right* и *being right* — *ощущать* правоту и *быть* правым — фактически синонимы. И в определенном смысле *feeling right* даже больше соответствует смыслу и более аутентично. Я позволил себе обратиться к английскому в данном случае, потому что он позволяет также увидеть, что речь идет и о моральном аспекте, а не только о когнитивном. Дело в том, что *right* одновременно означает и точность, и справедливость. В определенном смысле, выходит, постправда означает изменение отношения и к правде, и к объективным фактам. Получается, что на этом основании вполне определенную ложь можно представить как точку зрения, как мнение, не испытывая при этом неловкости.

Американский юморист, комик Стивен Кольбер в 2006 году предложил английское слово, которого до тех пор не существовало, — *truthiness*. Это такая яркая непереводаемость, которую я по-французски предложил обозначать как *véracitude*. Кольбер говорит: раньше у каждого было право иметь собственное мнение, не обладая фактами. Теперь уже факты совсем ничего не весят. *Truthiness* означает — то и только то, что я говорю, является правдой. Ничего из того, что другой мог бы заявить как правду, на самом деле ей не является. Речь идет не только о том, что “я чувствую, что это *правда*”, но и о том, что “я чувствую, что это *правда*”. И мне кажется, что это весьма удачно передает важную черту *truthiness* — мы говорим не просто о приоритете эмоционального: это приоритет эгоцентрического.

Попробуем теперь поговорить об определении того, о чем именно идет речь. Речь идет о так называемых фейк-ньюс — о теориях заговоров, о высоком уровне недоверия ко всем административным структурам и к медиа во всех демократических странах, о ссылках на альтернативные факты, как говорят люди из окружения Дональда Трампа. И, разумеется, речь идет о новейших способах дезинформации, из которых Россия сделала новое ору-

жие. По поводу всех ли этих фактов нужно говорить о некоей существенной трансформации демократии, “антропологическом изменении”? Откуда идут эти изменения — рождаются внутри самой демократии или же спровоцированы извне? К подобному анализу нас побуждает понимание эпохи постправды. Дальнейший анализ в определенной мере должен подтвердить исходный тезис. Но, мне кажется, мы должны отнестись к нему сдержанно, воспринимать его критически. Прежде всего исходя из философской позиции, но далее, в конце доклада я скажу и о политической причине такого осторожного отношения. Вот почему мне было важно сначала подчеркнуть это состояние нечеткости, плавающего характер всех этих концептов с префиксом “пост-”.

Ложь, релятивизм, пропаганда существовали всегда. Тоталитарное вранье было частью модерности, и Луи Дюмон называл это бедой демократии. Так же и релятивизм, скептицизм, которые Гегель называл боязнью правды, всегда сопровождали модерность. Конечно, существует и античный скептицизм, но в этой аудитории мне нет смысла напоминать, что здесь есть существенное отличие от скептицизма современной философии, каким мы его видим, например, у Юма, тем более, что речь идет о скептицизме не как о философской позиции. Сегодня большой спрос на скептицизм, но это не новое явление. Это то, что я назвал бы демократическим скептицизмом.

Алексис де Токвиль показал, что просветительский дух сомнения в сочетании с идеей равенства и приводил к смешению интеллектуальной независимости и подчинения мнению толпы и точно так же приводил к смешению скептического релятивизма и легкомыслия. Обратимся к исследованию Токвиля “Демократия в Америке”. Это может существенно помочь нам в наших поисках. Я имею в виду теорию верований — как в смысле персональной веры, так и в смысле общественного мнения. Применительно к данной теме текст Токвиля для меня основополагающий. Итак, что важно у Токвиля? Он делает акцент на диалектике, присущей демократическому способу мышления, и подчеркивает две опасные возможности. Во-первых, это превращение духа сомнения в интеллектуальный конформизм и, во-вторых, сочетание недоверия к интеллектуальным авторитетам с легкомыслием. Эта “демократия легкомысленных” — выражение, которое я позаимствовал у французского социолога Жеральда Бронера. Это на первый взгляд может показаться парадоксальным, ведь вроде бы речь идет о том, что прогресс просвещения породил упадок критического духа, который он, напротив, пытался развить. Но в этом парадоксе нет ничего странного для читателей Токвиля. Нужно держать в уме эту диалектическую структуру, присущую демократической модерности, если мы хотим с точностью определить, что нового привносит наш феномен постправды в состояние дел.

Одно из первых проявлений ситуации постправды, который привел к ее расцвету, связан с терактами 11 сентября 2001 года, когда начали ставить под сомнение распространяемую информацию и концентрировать внимание скорее на конспирологических интерпретациях. Когда раздавались голоса о том, что за терактом стоят Моссад, ЦРУ, а то и обе эти организации. Приведу несколько результатов последнего социологического исследования касательно конспирологических теорий и их присутствия в публичном пространстве, проведенного во Франции в декабре 2017 года. 28% опрошенных разделяют этот тезис или по крайней мере согласны с ним. Француз-

ской революции 1789 года и Российской революции 1917-го никогда бы не произошло без решающего влияния секретных организаций, которые должны были влиять, оставаясь при этом в тени. И поддержка данной позиции достигает уровня 35% в возрастной группе 18–34 года. 35% респондентов верят в скомпрометированность американской власти, то есть в ее участие в организации терактов 11 сентября. Когда уже прошло 15 лет после этого события, мы видим, что все альтернативные теории заговоров, не получившие никакого фактического продолжения, и далее расцветают. И подобно возрастной группе 18–34 лет этот показатель достигает 47% среди безработных и 44% — среди учащейся молодежи.

Еще пример — в отношении терактов 7 января 2015 года в Париже. Пожалуй, вы все помните: 17 погибших, среди них журналисты “Charlie Hebdo”, полицейские и клиенты кошерной бакалейной лавки. Так вот, 19% респондентов поддерживают в отношении этого следующий тезис: якобы существуют теневые зоны, и нет уверенности, что эти террористические акты были спланированы и реализованы исключительно исламистскими террористами. А 3% даже придерживаются мнения, что речь идет о манипуляции и что секретные французские службы сыграли в этом решающую роль. И последний пример: 72% французов считают, что министр финансов Франции состоит в сговоре с фармацевтической индустрией, чтобы скрывать все проблемы, связанные с вакцинацией.

Итак, формула Ницше “нет фактов — только интерпретации” стала, по сути, общепринятой, стала точкой зрения общественности, метафизикой глупцов, тогда как в действительности, мне кажется, то, что имел в виду Ницше, — это формула, разрушающая апорию. Она показывает, что модерность не может удержаться от соблазна приобщиться к такому смешению, когда снимается разница между точкой зрения как частным мнением и фактом. С другой стороны, собственно апория, которую Ницше, на мой взгляд, отнюдь не игнорировал, то есть именно ее и имел в виду, заключается в том, что различие между фактом и точкой зрения логически примитивно. То есть избавляться от аперии нет смысла, так как она является необходимым условием существования речи. Тот, кто говорит, что нет фактов — только интерпретации, тем самым доказывает, что он выражает факт.

Приведу конкретный пример, который мы встречаем у Анны Арендт в тексте о кризисе культуры. Речь идет о довольно известной статье “Истина и политика” в сборнике “Между прошлым и будущим”. В ней содержится интересный исторический анекдот. Мы все знаем о сложности исследования причин начала Первой мировой войны. И сейчас остается еще много непонятного, а еще больше было сложностей сразу после войны. Так вот, Арендт рассказывает, как у Клемансо спросили: “Как, по-вашему, что историки будущего будут писать и думать об этой сложной неоднозначной проблеме, о проблеме истоков Первой мировой?” И Клемансо ответил: “Я об этом совершенно ничего не знаю. Но я уверен, что они не скажут, будто Бельгия напала на Германию”. Следовательно, вопрос: вышли ли мы уже из мира Клемансо?

Приведу еще два фактических примера, которые на первой взгляд кажутся очень разными. Я хочу подчеркнуть родство этих двух фактов, и мне кажется, что сопоставление этих фактов поможет нам четче понять, что мы в

целом усматриваем под этикеткой постправды. А затем я бы использовал это для анализа режима правды путинизма.

Первый связан с моим преподавательским опытом. Уже много лет я преподаю курс политической теории для студентов-третьекурсников. И из года в год я все сильнее удивляюсь невысокому культурному уровню моих студентов в отношении истории, в частности истории мыслей, социологии, даже литературы и кино. Я пытаюсь им постоянно прививать вкус к чтению, я заставляю их читать, я стараюсь разделить с ними мое увлечение великими текстами, которые учат нас мыслить, но в итоге чувствую себя перед ними как тот Дон Кихот. Все больше работая с текстами онлайн, с Википедией, студенты очень мало читают, не без труда преодолевая даже несколько страниц. То есть в буквальном смысле книга ушла из их жизни. Им кажутся сложными даже довольно простые тексты. И мне представляется, что это связано с тем, что они больше не верят, что книги, которые передают знания, адресованы именно им. Даже те, у кого в определенной мере развито критическое мышление, те, кому присуща критичность касательно социального состояния дел, не считают нужным ради подтверждения своей позиции обращаться к авторитетным текстам. Если можно их сравнить с их коллегами 1968 года, то марксистская культура совершенно исчезла — остались лишь марксистские предрассудки. Когда же их подталкивают на этом пути, они сознаются, что для них это слишком сложно. И то, что сложно для них, — это не только тексты, но и сам социальный мир. Слишком много информации, слишком много теории. То есть используя источники, подхваченные где попало, очень часто анонимные, они никогда не задумываются о происхождении этих источников и мере доверия к ним, возможности проверить те или иные данные или цитату. Речь не только об определенном легкомыслии или отсутствии метода. И, полагаю, это не объясняется только тем, что кто-то находится под влиянием господствующих предрассудков.

Когда я с ними общаюсь, все начинается с того, что они утверждают: мир слишком сложный для меня, и он меня не ждет. В случае Франции, где уровень безработицы очень высок и слишком много проблем, связанных с выходом в активную жизнь, такие вещи играют ключевую роль в формировании студентов. Если этот мир нельзя расшифровать и он закрыт для меня, значит он контролируется скрытыми силами.

Это свидетельствует о том, что независимо от каких-то общих идеологических теорий или вовлеченности в конкретные дела, многие представители молодежи, даже незаметно для себя, переходят от возмущения по поводу несправедливости и критики выдуманных заговоров со стороны политических, экономических или медийных элит к некоему, весьма распространенному ныне *complotism*'у, то есть к теории заговора. Это отнюдь не означает откровенной поддержки такого состояния мира, но очень легко может превратиться в исповедование всемирной теории заговоров. Этот “всемирный заговор” давит на нас, но он и спасает нас, ведь это как бы делает мир понятным, и мы уже можем в нем ориентироваться. Это то, что я бы назвал “приглушенной” постправдой. Если подвести итог этой позиции, то поскольку мы не можем ничего знать, поскольку это слишком сложно, то зачем правда, коль скоро ее нельзя достичь.

Такая “приглушенная” постправда иная по природе, чем “наглая” постправда в духе, скажем, “Russia Today”. Но мне кажется, что эта “приглушен-

ная” постправда дает нам возможность что-то важное понять и прояснить в отношении действия той “наглой” постправды. Если можно так сказать, есть нечто подлинное в этой “приглушенной” постправде. В том смысле, что речь идет о мире цифровой революции и мире Big Data. То есть существует множество фактов, в частности тех, что являются предметом политических дебатов, но эти факты становятся, так сказать, абстрактными конструктами, и для нас эти вещи часто *антиинтуитивны* или, во всяком случае, далеки от непосредственного переживания, от пережитого опыта. Уровень безработицы, климатическое потепление, иммиграционный вызов вплоть до наших собственных потребительских желаний. И это измеряется уже за нас при помощи целевой рекламы и интернета. Социальные науки и экспертизы как бы заверили ту идею, что подлинные факты больше не имеют ничего общего с миром опыта переживания. Причем социальные науки, даже более разрушительно, чем естественные, приводят к этому. А ведь у Гуссерля речь шла как раз об отличии естественных наук, когда он ссылался на опыт переживания, но, я думаю, он содрогнулся бы, увидев последствия современной прикладной социологии или экономики.

И второй пример. Март 2014 года. Один наш радиожурналист, который следит за событиями в Восточной Европе, находится на связи со своей молодой коллегой, которая работает в Киеве и сообщает ему информацию о событиях на Майдане. Однажды поздно ночью она присылает ему сообщение, что американские войска высадились в Киеве. Она видит их в окно, она слышит, как движутся БТР-ы. Война. И наш журналист, который критически воспринимает эту информацию, всю ночь не спит и ищет подтверждение данного факта — такого невероятного развития событий. На рассвете, когда уже светает и нет никаких подтверждений, он думает, неужели возможно такое, чтобы такая сложная операция оказалась настолько засекреченной, что о ней знают только свидетели на месте и нет никаких иных свидетельств, или же это просто попытка дезинформации? Когда же разгневанный журналист просит разъяснений у коллеги, она не извиняется, не пытается исправить свою ошибку — ведь можно было бы сказать, дескать, я ошиблась, я услышала скрежет транспорта и подумала, что ... Нет, она открыто придерживается своего вранья и заявляет, что он не вправе ее обвинять, так как (цитата): “У вас своя правда, у меня своя”.

Я перехожу к последней части и думаю, что эти два примера могут нам помочь понять природу путинизма. Недавно в “Українському тижні” я опубликовал статью, где пытаюсь осветить то, что мне представляется слабой позицией в анализе сегодняшней пост- или, точнее, неосоветской *России*. Я предлагаю два пути улучшения этого понимания. Итак, первый. Дэвид Саттер в своей книге, переведенной на украинский, “Меньше знаешь — лучше спишь”, которую он опубликовал в 2016 году, напоминает о том, что приходу Путина к власти предшествовал ряд убийств. Не буду сейчас останавливаться на этом — вы все знаете эти случаи. И название книги, и главная тема Саттера отсылает нас не только к фактам, но и к определенному механизму прихода Путина к власти. В то же время он хочет напомнить и объяснить широкой общественности то, чего люди не желают видеть или забывают, отказываясь от фактов. Речь идет о перевороте 1993 года, когда официально насчитывалось 123 погибших и сотни раненных. И Саттер напоминает, что тот год, 1993-й, был знаковым, учитывая криминализацию экономи-

ки в России после перестройки. За один этот год было убито 35 банкиров. Другой пример. В 1999 году серия взрывов в разных зданиях сразу после того, как Путин стал премьер-министром, стала поводом для развязывания второй чеченской войны. И третий случай. 2002 год, “Норд-Ост” на Дубровке в Москве. Гибель всех террористов и 130 заложников, еще 700 пострадавших среди заложников из-за использования газа со стороны ФСБ в момент захвата.

Еще одна книга, много мне давшая для понимания сегодняшней России. Это книга Питера Померанцева “Ничего подлинного” от 2014 года, которую хорошо знают в Украине. Померанцев рассматривает Россию совсем с другой стороны, чем Саттер, но прочтение этих двух книг помогло мне понять, что в действительности речь идет об одном и том же феномене. Померанцев описывает Россию как общество симулякров. Россия и Кремль для него просто большое реалити-шоу. На самом деле авторитарное правление и выборочный террор, характерные для режима Путина, дополняются принципом: “Любая вещь есть нечто иное, нежели то, чем она есть”. Эта формула является пародией на максимум английского епископа Джозефа Баттлера: “Все есть то, чем оно есть, и ничто иное”. Эту максимум очень ценил Витгенштейн. Теперь же ее перевернули: “Любая вещь не есть тем, чем она есть, но есть нечто иное”. Это стало нормой. Например, это является правилом для Владимира Суркова. Как говорит Померанцев о Суркове, вместо того, чтобы по традиции нападать на оппозицию, он принимает форму каждого движения или идеологии и изнутри доводит их до абсурда. Под его надзором Москва может напоминать олигархию утром, демократию — в обед, монархию — во время ужина и тоталитарное государство — в полночь. Главная иллюзия этого мира иллюзий — это частная собственность. В действительности частной собственности в России не существует. Не больше, чем в Советском Союзе. Ведь любую организацию, структуру могут отобрать у собственников мафия, олигархи, коррумпированные налоговые службы или тройственный союз всех вместе взятых. Как известно, легитимные собственники не защищены законом из-за состояния судебной системы в России. И это не просто фактаж. Здесь следует упомянуть о мечте большевиков о разрушении закона. Сразу после революции речь шла об упразднении законов, но, натолкнувшись на невозможность реализации этой цели, советский режим быстро переключился на внедрение социалистического права. В определенном, постмодерном смысле сегодняшняя Россия воплотила эту большевистскую мечту о разрушении законов. По крайней мере в этом смысле мы видим, что постмодерн лучше всего описывает такое изменение модерна.

Публичное пространство в России проникнуто ложью, но в отличие от советской лжи эта держится не столько на пропаганде, сколько на легкомыслии и благодаря тому, что американский философ Гарри Франкфурт обозначает как *bullshit* — бессмыслица, чепуха, болтовня. Люди готовы верить во все, но во что они верят, не имеет значения. Та история о высадке американских военных в Киеве в 2014 году не была в строгом смысле слова враньем. Это собственно был *bullshit*. История со збитым во время войны в Украине самолетом МН17 служит примером того же феномена. Чтобы скрыть свою прямую ответственность, Россия предложила не одну, а девять альтернативных версий, никак не согласующихся между собой. То есть дело не в том, чтоб навязать ложь, а в намерении дезориентировать общественное

мнение, растворить различия между правдой и обманом в болтовне. Смешение пропагандистской войны с bullshit'ом является чертой, проясняющей путинизм. Через год после трагедии в театре на Дубровке в интервью с журналистами Путин говорил о том, что газ, использованный ФСБ, был безвредным и не мог привести к гибели заложников. Хотя факты на тот момент были хорошо известны в России. Было немало статей об использованном газе, о погибших. И значит, возращения Путина были не обманом — это был bullshit. Так же речь идет об отрицании участия в политических заказных убийствах, как в случаях Политковской, Литвиненко, Магницкого, Немцова. Уже нет смысла тщательно скрывать. Достаточно это сокрытие заболтать.

Можно подумать, что эта форма управления через избирательный террор, через ограбление и bullshit является изобретением а ля Макиавелли или Путина, его режима и его окружения. Но это не так. Такая форма управления является продолжением того, что существовало и во времена правления Брежнева и Горбачова. Советский Союз, приближаясь к своему концу, уже был авторитарным режимом, коммунистическая идеология уже была не чем иным, как камуфляжем и цинизмом, и люди были вынуждены постоянно притворяться и лгать. Померанцев приводит высказывание своего старшего по возрасту коллеги-журналиста, который работал в советские времена. Тот говорил: мы все время вынуждены высказываться несколькими способами, как бы являясь одновременно несколькими людьми. И в действительности российское общество просто сохранило это обыкновение, точнее, оно даже усилилось вплоть до бессмыслицы. “Слово” бессмыслица часто встречается в книге Померанцева. Оно же упоминается и в одной из книг Дэвида Саттера.

Мой тезис заключается в том, что отказ от критического исследования советского времени не позволяет обоснованно критиковать и путинский режим. Это не то, что подлежит выбору — исследовать советскую реальность или нет — здесь нет выбора. Отказываясь от процесса над коммунизмом, российские олигархи и, к сожалению, большая часть российского общества обрекли себя на воспроизводство советской матрицы. Не важно, сознательно это происходит или нет, но они не смогли поступить иначе. Они не могли повернуться к Западу, не могли воспользоваться помощью и советами Запада, даже если кто-то из них хотел этого. Ангела Меркель высказалась после переговоров в Минске: с россиянами нельзя разговаривать, они все время лгут. Но лжецы первыми попадают в ловушку собственной лжи. Так и руководство России является жертвой собственного способа управления. Уничтожение права сделало из коррупции и криминалитета центральный регулятор экономики и повседневной жизни. Говоря языком Маркса, это стало инфраструктурой системы.

Такой анализ может показаться слишком общим, слишком базисным перед вызовом войны и перед необходимостью искать конкретный ответ со стороны свободного мира. Но мне кажется, в нем есть и определенный практический смысл. В первую очередь необходимо убедить в его обоснованности руководителей западных государств. Мы еще слишком часто слышим мантру, и не только среди пророссийски настроенных людей, якобы, господин Путин — прагматик. И это убеждение просто катастрофично. Нельзя понять системный характер посягательств России на международный порядок, пока мы пытаемся рационализировать российскую политику примени-

тельно к частным случаям. То есть мы стараемся проследить логику касательно того, чего добивается Россия в Сирии, в Украине и т.п., там, где речь не идет собственно о логике. Речь идет о слепой жажде реванша. От этой ситуации голова идет кругом. Но я здесь обращаюсь скорее не к вам, когда говорю, что необходимо убедить руководителей Запада не отводить глаз от этих разрушений, и просто убедиться в этом. И не нужно пытаться успокаивать себя, давая рациональные характеристики российскому режиму.

И второй тезис, очень важный, связанный с тем, что я еще раз призываю — не нужно переоценивать новаторство путинского режима в смысле постправды. Мы, европейцы, не настолько отличаемся от россиян. Россия находится на очень продвинутой стадии постправды. Мы не настолько больны, однако мы страдаем теми же недугами. Во всех демократических странах распространяются конспирологические теории. Легкомыслие идет плечом к плечу с разочарованием не только в политиках, но и в преподавателях, в медицине и т.п. Еще вчера украинский журналист меня расспрашивал, как я могу объяснить эффективность российской пропаганды в западных странах. Конечно, способы ведения этой информационной войны кое-что объясняют, но на самом деле, какими бы мощными ни были эти способы, пропаганда не была бы такой эффективной, если бы не соответствовала определенным ожиданиям. Она не была бы такой действенной, если бы граждане западных демократических стран не были заведомо готовы настолько ей довериться. Очень непростой и опасный факт заключается в том, что, в отличие от коммунизма, российский режим не нуждается в том, чтобы быть привлекательной моделью, лишь бы предложить альтернативу современной демократической культуре. Значит, пришло время серьезно отнестись к bullshit.

Материал получен 05.10.2018

Received 05.10.2018